

Политическая лингвистика. 2024. № 2 (104).
Political Linguistics. 2024. No 2 (104).

УДК 811.161.1'373
ББК ШП41.12-3

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.5

Ирина Николаевна Пономаренко¹, Наталья Александровна Сегал², Анна Владиславовна Цыганкова³

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, irnik20@mail.ru[✉], SPIN-код: 1388-1830, <https://orcid.org/0000-0002-7330-7383>

² Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, SPIN-код: 1068-7693, Симферополь, Россия, natasha-segal@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

³ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, anya_tsygankova@mail.ru[✉], SPIN-код: 4924-0103

Русский язык эпохи революции и революция в языке

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена комплексному анализу русского литературного языка как лингвокреативного феномена начала XX века. Доказывается обусловленность языковых трансформаций экстралингвистическими факторами, прямая зависимость изменений литературных норм от социополитической ситуации. Утверждается, что интерес к формам живой речи порождает интерес к особенностям развития языка: тексты начинают рассматриваться не с позиций логической корректности, основанной на оценке самих лингвистических фактов как «правильных», образцовых, или «неправильных», а как источник проявления специфики языка новой эпохи. Зеркалом социокультурных и лингвистических изменений становится конкретная языковая личность, мастер слова, ярко и емко «оязыковляющий» окружающую его социально-политическую реальность. В статье характеризуются индивидуально-поэтические особенности творчества В. В. Маяковского как языковой личности, сумевшей транслировать новые социополитические реалии посредством новых языковых форм. Доказано, что, несмотря на высокий исследовательский интерес к окказиональному словотворчеству В. Маяковского, вклад великого футуриста в развитие русского литературного языка требует неизмеримо большего внимания. Именно он в начале XX века ввел в язык поэзии живое разговорное слово, отражающее революционную эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский литературный язык, лексикология русского языка, лингвокреативность, языковые трансформации, трансформационный потенциал языка, лингвокреативный феномен, окказиональная лексика, русская поэзия, русские поэты, литературное творчество, революционная эпоха, социополитические реалии, языковые формы, В. В. Маяковский.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Пономаренко Ирина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149; email: irnik20@mail.ru.

Сегал Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Вернадского, 4; email: natasha-segal@mail.ru.

Цыганкова Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: anya_tsygankova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пономаренко, И. Н. Русский язык эпохи революции и революция в языке / И. Н. Пономаренко, Н. А. Сегал, А. В. Цыганкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 172-177.

Irina N. Ponomarenko¹, Natal'ya A. Segal², Anna V. Tsygankova³

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russia, irnik20@mail.ru[✉], SPIN: 1388-1830, <https://orcid.org/0000-0002-7330-7383>

² V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, natasha-segal@mail.ru[✉], SPIN: 1068-7693, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

³ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, anya_tsygankova@mail.ru[✉], SPIN: 4924-0103

The Russian Language of the Epoch of Revolution and a Revolution in Language

ABSTRACT. The article describes a complex analysis of the Russian literary language as a linguo-creative phenomenon of the early twentieth century. The authors argue that linguistic transformations depend on extralinguistic factors and that changes in literary norms are directly influenced by the sociopolitical situation. It is suggested that interest in the forms of living speech generates interest in the peculiarities of language development: texts begin to be considered not from the standpoint of logical correctness, based on the assessment of linguistic facts themselves as “correct”, standard or “incorrect”, but as a source of manifestation of the specificity of the language of a new era. A concrete linguistic personality, a master of words, vividly and succinctly “linguizing” the sociopolitical reality surrounding them becomes a mirror of socio-cultural and linguistic change. The article characterizes the individual poetic features of the creative heritage of V. V. Mayakovsky as a linguistic personality who managed to translate new sociopolitical realities through new linguistic forms. It is

proved that despite the dominance of research interest in the occasional word-building of Mayakovsky, the contribution of the great futurist to the development of the Russian literary language is immeasurably greater. It was he who, at the beginning of the 20th century, introduced a living colloquial word into the language of poetry, reflecting his rebellious era.

KEYWORDS: *Russian literary language, Russian lexicology, linguo-creativity, linguistic transformations, transformation potential of language, linguo-creative phenomenon, occasional vocabulary, Russian poetry, Russian poets, literary creative activity, revolutionary epoch, sociopolitical realities, language forms, V. V. Mayakovsky.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ponomarenko Irina N., Doctor of Philology, Associate Professor of Department of the Modern Russian Language, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

Segal Natal'ya A., Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Slavic and General Linguistics, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Tsygankova Anna Vladislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theory and Methods of Teaching People with Disabilities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Ponomarenko I. N., Segal N. A., Tsygankova A. V. (2024). The Russian Language of the Epoch of Revolution and a Revolution in Language. In *Political Linguistics*. No 2 (104), pp. 172-177. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Изменение социополитического контекста современной эпохи послужило толчком к появлению новых аспектов движения лингвистической мысли, новых принципов описания языковых фактов, а значит, формированию новых направлений в языкознании. Данный тезис определяет необходимость развития вектора научного познания, связанного с отражением особенностей функционирования языка в обществе. В современном мире «демократизация» языка, напрямую связанная с каждым этапом его развития как инструмента успешной коммуникации, меняет взгляд на его существование за пределами кодифицированной формы, при этом бесспорным представляется суждение о том, что и сам эталон подвергается глубокой трансформации. Как никогда актуальной в аспекте описания языковых изменений и воззрений на язык становится сегодня идея Б. А. Успенского, уделявшего особое внимание социокультурному контексту и социолингвистической ситуации. Так, по мысли ученого, «...создание нового литературного языка определяется не столько реальной необходимостью, сколько идеологическими потребностями, обусловленными в свою очередь культурной ориентацией: эта задача выступает и формулируется как своего рода социальный заказ» [Успенский 1994: 120].

Языковые изменения как зеркало социополитических трансформаций были яркой приметой и при ретроспективном описании русского языка (А. Баранников, Г. О. Винокур, С. И. Карцевский, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, П. Я. Черных, Р. О. Якобсон и др.). При этом в лингвистических исследованиях зачастую подчеркивается опосредованное влияние общества на язык, значимая роль экстралингвистических факторов прежде всего при учете языковых процессов не в настоящем времени, а в перспективе. Так, Е. Д. Поливанов весьма метафорически ха-

рактеризовал развитие русского языка начала XX века, сравнивая его с функционированием поршней паровоза: «...подобно тому, как какой-либо общественный сдвиг не может заставить поршни двигаться не параллельно, а перпендикулярно рельсам, какой-либо фактор экономического или политического характера не может изменить направление фонетических и других процессов» [Цит. по: Беликов 2001: 101–102]. В своих рассуждениях Е. Д. Поливанов подчеркивает, что экономико-политические сдвиги влияют не на язык как таковой, а на контингент его носителей, что и определяет особенности языковой эволюции. В качестве убедительного примера исследователь приводит русский литературный (по определению Е. Д. Поливанова — «стандартный») язык постреволюционной эпохи. Языковые изменения языка начала XX века, как справедливо полагает ученый, были связаны с тем, что в конце 1910–1920-х гг. в значительной степени изменился состав носителей русского литературного языка. В частности, рабочие, крестьяне, «красная интеллигенция» и иные «демократические слои» общества все в большей степени овладевали литературными нормами и в значительной степени влияли на языковые трансформации постреволюционной эпохи.

Поворот к изучению речи вернул лингвистике характерное для антропоцентрической парадигмы внимание к вкладу отдельной личности в развитие языка. Интерес к формам живой речи порождает интерес к эпохе развития языка: тексты начинают рассматриваться не с позиций логической правильности, исходя из оценки самих языковых фактов как «правильных», образцовых, или «неправильных», а как источник проявления специфики языка новой эпохи. Зеркалом социокультурных и языковых изменений становится конкретная языковая личность, мастер слова, ярко и ёмко «языковляющий» окружающую его социополитическую реаль-

ность. **Целью** предлагаемой статьи является исследование языка В. Маяковского как эпохальной языковой личности, во многом предопределившей развитие русского языка как лингвокреативного феномена не только начала XX, но и начала XXI века. **В объем материала исследования** входит как научная теоретическая литература, посвященная изучению языка начала XX века, лингвокреативным особенностям языка В. В. Маяковского, так и непосредственные языковые факты — корпус примеров окказиональной лексики, апеллирующей к творчеству исследуемого автора. Ключевыми **методами** исследования являются описательный и интерпретационный методы, метод компонентного анализа, дистрибутивный метод, метод контекстологического анализа. Актуальными для авторов при написании статьи представляются также дескриптивный метод и прием интроспекции, предполагающие обращение авторов к фоновым знаниям и языковой интуиции.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования:

- доказано непосредственное влияние социополитического контекста на язык определенной эпохи и прямая зависимость степени демократизации языка от происходящих в государстве социополитических потрясений;
- установлена роль конкретной личности в отражении социокультурных и языковых изменений и ее непосредственное влияние на создание новых языковых форм;
- охарактеризованы индивидуально-авторские особенности языка В. В. Маяковского в контексте лингвокреативного потенциала его словотворчества.

ОБСУЖДЕНИЕ

Трудно найти мастера слова, более соответствующего своему времени, чем поэт В. Маяковский, которому, по словам критиков и биографов, «нужно было на чем-то отработать главные приемы — конструировать искусство, которое войдет в жизнь и научиться переделывать ее; превращать живопись в дизайн, лирику — в слоган, расширять собственные границы и поле своего влияния» [Быков 2016: 396].

Показательно, что во время Великой Отечественной войны издательство «Молодая гвардия» по понятным причинам выпускало лишь самое необходимое: плакаты, листовки, пособия по военному делу. Однако в 1943 г. вышла серия «Великие русские люди», представлявшая собой небольшие, размером 60 на 90 мм, книжечки, которые

свободно помещались в кармане гимнастерки. Позже, в канун сороковой годовщины великой Победы, издательство выпустило сборник, который знакомил читателей с некоторыми из биографий, вошедших в эту серию, при этом показательным является тот факт, что в ряду знаменитых соотечественников советский период был представлен только именем В. В. Маяковского. Как подчеркивали составители сборника, «они — напоминание о тех, само звучание имени которых были святыней национального чувства, знаменем гордости Отечества» [Великие русские люди 1984: 405].

Биографию поэта для этой серии написал Н. Асеев, который ставил В. В. Маяковского вровень с А. С. Пушкиным: «...нет, они не были в разных столетиях — Пушкин и Маяковский. Они были вместе в одном тысячелетии: память о таких не меряется менее крупными отрезками времени!» [Асеев 1984: 401]. И при Пушкине, «и после его смерти жило много других хороших и просто поэтов. Но все они жили при Пушкине или после него: летоисчисление существования новой русской поэзии ведется от него или в применении к нему. Точно так же исчисление новейшей русской поэзии со времени советского ее существования может вестись только в применении к творчеству Маяковского» [Там же: 400]. И в творчестве А. С. Пушкина, и в творчестве В. В. Маяковского, как в зеркале, нашли отражение исторические перипетии их эпох, чувства и чаяния поколений, изменения, отраженные в системе ценностей народа, пережившего актуальные для первой трети XIX и первой трети XX вв. социополитические потрясения. Предрекая языковые новшества начала XX века, А. С. Пушкин писал: «...после того, как книжная речь наберется сил [...] можно и должно будет обратиться» к языку народному, его строю и складу, «внесение которых в литературную речь и будет истинным завершением развития литературного языка» [Цит. по: Асеев 1984: 401–403]. Размышляя о будущем литературы, об изменении интереса читателя и задачах автора, А. С. Пушкин будто бы предвидел появление в сонме гениев литературы такой личности, как В. В. Маяковский, аккумулировавшей в своем творчестве литературный и народный язык, вышедшей за границы традиционного и формального: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным к странному просторечию» [Цит. по: Асеев 1984: 401–403]. Развивая мысль А. С. Пуш-

кина, Н. Асеев подчеркивает, что в лице В. В. Маяковского «родился поэт, как будто порвавший все связи с традициями, отказавшийся от них. ...переход Маяковского на сторону „улицы“, был именно тем шагом, который предрек Пушкин для поэзии, шагом к „странному просторечию“» [Цит. по: Асеев 1984: 401–403].

«Странное просторечие» постреволюционной России, пересмотр ценностных ориентиров не только как основ морали, но и как фундамента литературного творчества предопределил появление «нового человека» и «нового поэта». Безусловно, В. В. Маяковский попал в свою эпоху. В литературоведческом исследовании «О Маяковском» В. Шкловский пишет: «Не было бы Маяковского, если бы не было камеры 103. В той камере сидел Маяковский, читал книги. Пришёл [...] человек с ответственностью за мир, до диспутов в Политехническом музее знавший собрания у булочников, партийный спор, привыкший представлять, что за слово платят тюрьмой и ссылкой... Он получил голос, научился писать так, как научаются плавать. Оказываешься, вода держит. Потом он узнал, какая это горькая вода» [Шкловский 2012: 76]. Как автор первых советских рекламных плакатов Российского телеграфного агентства (РОСТА) В. Маяковский заявил о себе в октябре 1919 г. Рассуждая о своих первых работах, В. Маяковский вспоминал: «Первое время над текстом работал товарищ Грамен, дальше почти все темы и тексты мои [...]. Просматривая фотоальбом, я нашел около четырехсот только своих окон. В окне от четырех до двенадцати отдельных плакатов, значит, в среднем этих самых плакатов не менее трех тысяч двухсот» [Цит. по: Быков 2016: 389]. Требования к своей работе В. Маяковский определял так: «От нас требовалась машинная быстрота: бывало, телеграфное известие о фронтовой победе через сорок минут — час уже висело на улице красочным плакатом. Того темпа, той быстроты требовал характер работы [...]. Вне телеграфной, пулеметной быстроты — этой работы быть не могло» [Там же: 390].

Скорость и качество, качество и скорость — вот то, что требовал от себя и других величайший поэт своего (и нашего) времени. Есть сведения, что В. Маяковский за день сочинял до 80 подписей под картинкой плаката. Разумеется, и лексика была разговорная, эмоционально окрашенная и понятная миллионам, из которых значительная часть только что научилась читать. 19 мая 1920 года на Первом Всероссийском съезде работников РОСТА В. Маяковский выступил с «Докладом о художественной пропаганде»,

где изложил свое видение революционно-агитационной работы, позже ставшее постулатом для всех тех, кто пытался привлечь внимание советского общества, кто формировал его идеологию: «Первая и основная наша задача — это приковывание внимания, это заставить бегущую толпу, хочет она или не хочет, всеми ухищрениями, остановиться перед теми лозунгами, перед которыми мы хотим ее остановить» [Маяковский 1958: 239].

С течением времени поэт меняется, он уже почти не пишет лирические произведения, признаваясь, что «заела РОСТА». Да и какая лирика, если «старый мир рухнул, новый оказался прежде всего страшно редуцированным — две краски, черная и белая, никаких денег и почти никакой еды, ничего того, из чего делается лирика, требующая все-таки досуга, воздуха, хоть минимальной беззаботности» [Быков 2016: 392]. Таким образом, весьма уместным представляется заключение Д. Быкова о том, что «окна РОСТА — не что иное, как первый советский комикс, первый по-настоящему тиражный и знаменитый рассказ в картинках, и не только у нас, а в мире» [Там же: 396].

Другой аспект творчества Маяковского — создание рекламных текстов. Само написание их — свидетельство веры поэта в новую реальность. Какая реклама в эпоху тотального дефицита и отсутствия не только выбора, но и необходимых товаров? В 1923 г. В. В. Маяковский в стране, объявившей НЭП и переживающей последствия гражданской войны, писал: «Реклама — промышленная агитация. Ни одно, даже самое верное дело не движется без рекламы. Это оружие, поражающее конкуренцию [...]. Надо звать, надо рекламировать, чтобы калек немедленно исцелялись и бежали покупать, торговать, смотреть!.. Реклама — это имя вещи. Как хороший художник создает себе имя, так создает себе имя и вещь... Реклама должна напоминать бесконечно о каждой, даже чудесной вещи» [Маяковский 1978: 183–184]. Рекламные тексты Маяковского можно было встретить в газетах и на заборах, на витринах и транспарантах, на упаковках и обертках, на вкладышах и этикетках. Именно ему принадлежит популярный рекламный слоган того времени: «Нигде, кроме / как в Моссельпроме». И сам поэт гордился своей рекламной деятельностью: «...несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю „Нигде, кроме / как в Моссельпроме“ поэзией самой высокой квалификации» [см.: Пономаренко 2019: 160]. Бесспорным представляется тот факт, что лексика агиток и рекламы — отражение «корявого говора миллионов», по интонации — обилие восклицательных конст-

рукций, в которых слышится грохот барабанов революции и крик толпы.

Характеризуя творческий метод В. Маяковского, Е. Н. Золотарева отмечает особый язык поэта, его стиль и интонационные особенности: «Выкрик свойственен всей поэзии В. В. Маяковского. В агитках он получал максимальное воплощение, проявлялся в восклицательной интонации, повелительном наклонении: „Жертвуйте деньгами!“; „Уделяйте часть пайка!“; „Все! Все! Все! необходимо бороться с голодом!“; „разворачивайтесь в марше!“; „...самогонщиков банду и изгони! / Выгоняй самогонщиц ораву! / Выгоняй, кто поит! / Выгоняй, кто пьет!“ и др.» [Золотарева 2010: 268].

Поэта интересует не отдельный читатель, не отдельная личность, а широкая аудитория, «массы», а чтобы «докричаться» до них, нужна особая интонация и особые слова, несущие сильный эмоциональный заряд, которые могут оказать мощное влияние на адресата. Отсюда и морализаторский пафос его текстов, в том числе и поэтических, обилие глаголов, часто в форме императива, и частотность восклицательных конструкций. Все эти особенности уникальной языковой личности поэта, как в зеркале, отражаются в его уникальном словотворчестве: *вызнакомь, расфабричь, социалистничать, разглаженнейшие, громоверзила* и многие другие. И даже современники его мятежной эпохи не всегда принимали такие слова, если не особенно расходящиеся с традицией, но все неожиданные, непривычные, хотя и созвучные новому времени. Как справедливо подчеркивает К. С. Горбачевич, «властное стремление к свежему, не банальному слову естественно толкает к словотворчеству. И нередко случается так, что сугубо индивидуальное слово, непригодное для общего, обиходного языка, становится счастливой находкой в контексте художественного произведения, играет роль важного, а порой и незаменимого стилистического средства» [Горбачевич 1981: 42].

Исследователи окказионального наследия В. Маяковского говорят о 716 окказиональных глагольных формах (из них причастий — 159, деепричастий — 133), 352 существительных, 348 прилагательных, 32 наречиях и словах категории состояния [Сечинава 2007; Чудинов, Сегал, Мищенко 2023]. К. С. Горбачевич приводит более высокую цифру, включающую 2840 единиц [Горбачевич 1981: 44]. Языковая интуиция подсказывала В. Маяковскому, что такие слова с русскими корнями могли бы существовать, соединяясь с внутренней уверенностью, что они и должны это делать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что, говоря о языке В. Маяковского, мы прежде всего вспоминаем о его окказиональном словотворчестве, вклад великого футуриста в развитие русского литературного языка неизмеримо больше. Именно он в начале XX в. привнес в язык поэзии живое разговорное слово, отразившее свою мятежную эпоху. Страстная поэтическая речь, граничащая с выкриком, запоминается своей яркой стилистикой, новаторским взглядом на язык, апелляцией к формам нового времени, то есть тем, что специалисты по культуре речи позже назовут «разговорными особенностями», отличая их от «речевых погрешностей». В. В. Маяковский ввел разговорную интонацию, но не нарушил языковой традиции, «бросил Пушкина, Достоевского, Толстого и прочих классиков с парохода современности», но вобрал в своем творчестве глубину и силу русского традиционного слова, синтезировал великое прошлое и то, что в свое время станет великим будущим. По справедливому замечанию А. А. Ахматовой, «Маяковский — это человек, который не только пишет о России, но и сам является Россией» [Цит. по: Чуковский 1999]. И именно русское сердце, русский дух и русское слово делают В. В. Маяковского актуальным безотносительно временной эпохи, формируют образ народного поэта, глубоко и полно раскрывшего душу русского человека не только содержанием, но и формой своих произведений.

ИСТОЧНИКИ

1. Асеев, Н. Владимир Владимирович Маяковский / Н. Асеев // Великие русские люди: Сборник / сост. В. Володин — М.: Молодая гвардия. 1984. — 419 с. — С. 370—404.
2. Маяковский, В. В. Агитация и реклама / В. В. Маяковский // Собрание сочинение в 12-ти томах. — Т. 11. — М.: Правда, 1978. — С. 183—184.
3. Маяковский, В. В. Доклад о художественной пропаганде / В. В. Маяковский // I Всероссийский съезд работников РОСТА 19 мая 1920 г. Стенограмма // Литературное наследство. — Т. 65. — М. 1958. — С. 239—240.
4. От составителей // Великие русские люди: Сборник / Сост. В. Володин. — М.: Молодая гвардия, 1984. — 419 с. — С. 404—407.
5. Чуковский, К. И. Ахматова и Маяковский / К. И. Чуковский // Хрестоматия критических материалов. Русская литература рубежа XIX-XX веков / сост., авт. ст.: Алиева Л. Ю., Торкунова Т. В. — М.: Айрис пресс : Рольф, 1999. — 494 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беликов, В. И. Социоллингвистика: Учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. — 439 с.
2. Быков, Д. Тринадцатый апостол. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях / Д. Быков. — М.: Молодая гвардия, 2016 — 832 с.
3. Винокур, Г. О. Маяковский новатор языка / Г. О. Винокур. — Москва: Советский писатель, 1943. — 133 с.
4. Горбачевич, К. С. Нормы современного русского литературного языка: Пособие для учителей / К. С. Горбачевич. — М.: Просвещение, 1981. — 208 с.

5. Золоторева, Е. Н. Метапоэтика рекламных и агитационных текстов в творчестве В. В. Маяковского / Е. Н. Золоторева // Метапоэтика. Сборник статей научно-методического семинара «Textus: Текст как явление культуры. Издательство Ставропольского государственного университета. — Ставрополь, 2010. — С. 267—273.

6. Козлѣнков, В. И. Рекламно-агитационные стратегии Владимира Маяковского на рубеже 1910-х—20-х годов: «Окна РОСТА» / В. И. Козлѣнков. — Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2011. — № 1. — С. 139–143.

7. Культура русской речи: Учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. — М.: Норма, 2001. — 560 с.

8. Немыка, А. А. Семантика и прагматика обращений в эпистолярном дискурсе на материале переписки В. Маяковского и Л. Брик / А. А. Немыка, Н. А. Сегал // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. — Т. 18. — С. 22–25. DOI: 10.14529/ling210204.

9. Пономаренко, И. Н. Ретроспективный анализ рекламной деятельности В. В. Маяковского / И. Н. Пономаренко // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении. Тезисы докладов участников международной научной конференции / Отв. ред. Г. Ю. Богданович. — 2019. — С. 160—161.

10. Пономаренко, И. Н. Семантика и прагматика палиндромов в языке и интернет-коммуникации / И. Н. Пономаренко, Н. А. Сегал, И. В. Уварова // Научный диалог. 2021; (11):168–182. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-168-182>.

11. Сегал, Н. А. Прецедентные единицы со сферой-источником «литература» в масс-медийных текстах (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») / Н. А. Сегал, И. А. Регушевская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». — 2017. — № 2. — С. 31–42. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-31-41

12. Сечинава, Ю. Н. Особенности проявления языковой личности в окказиональном словотворчестве / Ю. Н. Сечинава // Автореф. канд. дисс. по спец. 10.02.01 — русский язык. — Краснодар, 2007. — 24 с.

13. Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.) / Б. А. Успенский. — М.: Гнозис, 1994. — 240 с.

14. Чудинов, А. П. Деривационные механизмы моделирования окказиональной лексики в русскоязычном медиапространстве (на примере приставки де-) / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2023. — Т. 27. — № 3. — С. 59–69. DOI: 10.18522/1995-0640-2023-3-58-67.

15. Шкловский, В. Б. О Маяковском / В. Б. Шкловский. — М.: РУГРАМ, 2012. — 110 с.

MATERIALS

1. Aseev, N. (1984). Vladimir Vladimirovich Mayakovsky. In V. Volodin (Comp.), *Great Russian people: A collection* (pp. 370–404). Moscow: The Young Guard, 419 p. (In Russ.)

2. Mayakovsky, V.V. (1978). Agitatsiia i reklama [Agitation and advertising]. In *The collected work in 12 volumes* (Vol. 11, pp. 183–184). Moscow: Pravda. (In Russ.)

3. Mayakovsky, V.V. (1958). Report on artistic propaganda (I Vserossiiskii sezd rabotnikov ROSTA 19 maia 1920 g. Ste-nogramma) [Doklad o khudozhestvennoi propandae (I All—Russian Congress of workers of Growth on May 19, 1920 Transcript)]. In *Literaturnoe nasledstvo* (Vol. 65, pp. 239–240). Moscow. (In Russ.)

4. Volodin, V. (Compiler) (1984). Ot sostavitelei [From the compilers]. In *Great Russian people: A collection* (pp. 404–407). Moscow: Molodaya Gvardiya, 419 p. (In Russ.)

5. Chukovsky, K.I. (1999). Akhmatova i Maikovskii [Akhmatova and Mayakovsky]. In L.Yu. Alieva, T.V. Torkunova (Eds.), *Anthology of critical materials. Russian literature of the turn of the XIX–XX centuries*. Moscow: Airis press, Rolf, 494 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Belikov, V.I., & Krysin, L.P. (2001). *Sotsiolingvistika: Uchebnik dlia vuzov* [Sociolinguistics: Textbook for universities]. Moscow: Russian State Humanities. univ., 439 p. (In Russ.)

2. Bykov, D. (2016). *Trinadtsatyi apostol. Maikovskii. Tragediia-buff v shesti deistviiakh* [The Thirteenth Apostle. Mayakovsky. Tragedy-buff in six acts]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 832 p. (In Russ.)

3. Vinokur, G.O. (1943). *Mayakovskiy novator yazyka* [Mayakovsky innovator of language]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 133 p. (In Russ.)

4. Gorbachevich, K.S. (1981). *Normy sovremennoego russkogo literaturnogo iazyka: Posobie dlia uchitelei* [Norms of the modern Russian literary language: A handbook for teachers]. Moscow: Prosveshchenie, 208 p. (In Russ.)

5. Zolotoreva, E.N. (2010). Metapoetics of advertising and propaganda texts in the works of V. V. Mayakovsky [Metapoetika reklamnykh i agitatsionnykh tekstov v tvorchestve V. V. Maikovskogo]. In *Metapoetika* (Collection of articles of the scientific and methodological seminar “Textus: Text as a cultural phenomenon”, pp. 267–273). Stavropol: Stavropol State University Publishing House. (In Russ.)

6. Kozlenkov, V.I. (2011). Reklamno-agitatsionnye strategii Vladimira Mayakovskogo na rubezhe 1910-kh—20-kh godov: «Okna ROSTA» [Advertising and propaganda strategies of Vladimir Mayakovsky at the turn of the 1910s–20s: “Windows of GROWTH”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, 1, 139–143. (In Russ.)

7. Graudina, L.K., & Shiryaev, E.N. (Eds.) (2001). *Kultura russkoi rechi* [Culture of Russian speech] [Textbook for universities]. Moscow: Norma, 560 p. (In Russ.)

8. Nemyka, A.A., & Segal, N.A. (2021). Semantika i pragmatika obrashchenii v epistoliamom diskurse na materiale perepiski V. Maikovskogo i L. Brik [Semantics and pragmatics of appeals in epistolary discourse based on correspondence between V. Mayakovsky and L. Brik]. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 18, 22–25. DOI: 10.14529/ling210204. (In Russ.)

9. Ponomarenko, I.N. (2019). Retrospective analysis of V.V. Mayakovsky's advertising activities [Retrospektivnyi analiz reklamnoi deiatel'nosti V.V. Maikovskogo]. In G.Y. Bogdanovich (Ed.), *Mezhkul'turnye kommunikatsii: russkii iazyk v sovremennom izmerenii* (Abstracts of reports of participants of the international scientific conference, pp. 160–161). (In Russ.)

10. Ponomarenko, I.N., Segal, N.A., & Uvarova, I.V. (2021). Semantika i pragmatika palindromov v iazyke i internet-kommunikatsii [Semantics and pragmatics of palindromes in language and Internet communication]. *Scientific dialogue*, 11, 168–182. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-168-182>. (In Russ.)

11. Segal, N.A., & Regushevskaya, I.A. (2017). Precedentnye edynitsy so sferoi-istochnikom «literatura» v mass-mediinykh tekstakh (na materiale romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita») [Precedent units with the source sphere “literature” in mass media texts (based on the material of M.A. Bulgakov's novel “The Master and Margarita”)]. *Bulletin of the Moscow State Regional University. The series “Russian Philology”*, 2, 31–42. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-31-41. (In Russ.)

12. Sechinava, Yu.N. (2007). *Osobennosti proiavlennii iazykovo-voi lichnosti v okkazional'nom slovotvorchestve* [Features of the manifestation of linguistic personality in occasional word-making] [Abstract of the cand. diss.]. Krasnodar, 24 p. (In Russ.)

13. Uspensky, B.A. (1994). *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI—XIX vv.)* [A brief outline of the history of the Russian literary language (XI—XIX centuries)]. Moscow: Gnosis, 240 p. (In Russ.)

14. Chudinov, A.P., Segal, N.A., & Mishchenko, A.N. (2023). Derivatsionnye mekhanizmy modelirovaniia okkazional'noi leksiki v russoiazychnom mediaprostranstve (na primere prstavki de-) [Derivational mechanisms of modeling occasional vocabulary in the Russian-speaking media space (using the prefix de- as an example)]. *Bulletin of the South Ural State University*, 27(3), 59–69. DOI: 10.18522/1995-0640-2023-3-58-67. (In Russ.)

15. Shklovsky, V.B. (2012). *O Maikovskom* [About Mayakovsky]. Moscow: RUGRAM, 110 p. (In Russ.)